

Н. В. Дмитриева

«Русско-польский спор порешен историей»: польский вопрос в либеральных проектах Основного закона России начала XX в.

Дмитриева Наталья Валерьевна

канд. ист. наук,
ст. науч. сотр.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет;
науч. сотр.,
Европейский
университет
в Санкт-Петербурге
(Санкт-Петербург,
Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено при
поддержке
Российского научного
фонда, проект
№ 19-18-00073-П
«Национальная
идентичность
в имперской
политике памяти:
история Великого
княжества Литовского
и Польско-Литовского
государства
в историографии
и общественной
мысли XIX–XX вв.»,
[https://rscf.ru/
project/22-18-35022/](https://rscf.ru/project/22-18-35022/)

Несмотря на то, что два польских восстания в истории Российской империи пришлось на XIX в., опыт сосуществования в рамках одного государства и дальнейшая судьба Царства Польского продолжали привлекать внимание представителей русской общественной мысли и в начале XX в. Специфика данного периода заключается в том, что, с одной стороны, из сугубо теоретической проблемы для русской общественности польский вопрос переходит в практическую плоскость, становясь одним из способов привлечения потенциальных сторонников в политическом противостоянии с российским самодержавием. С другой стороны, в результате активного развития русской общественной и, в частности, правовой мысли конца XIX в. оказывается возможным оформление Основного государственного закона России в целостные проекты, составной частью которых становятся принципы будущего национально-государственного устройства полиэтничной империи в рамках конституционной модели существования.

В современной отечественной историографии накоплен значительный опыт по изучению польского вопроса и эволюции его интерпретаций в интеллектуальном пространстве России периода империи¹. Менее проработанной является проблема представленности национальной составляющей в проектах Основного государственного закона России. Общие вопросы истории создания конституционных проектов русского либерализма, а также их правовая основа рассмотрены в работах А. Н. Медушевского². Концептуальный анализ ли-

берального восприятия понятия «империя» и его содержательное наполнение в рамках отечественных либеральных проектов Основного закона России парламентского периода провел Д. В. Аронов. Изменение исследовательской оптики при изучении дихотомии «либерализм — империя» позволило автору прийти к обоснованному выводу, что «сам факт генерации проектов Основного закона, призванных стать фундаментом нового этапа в развитии отечественной государственности, основанном на примате закона, а не приказа, что присуще т. н. полицейскому государству и имеет в своей основе высшую волю одного лица, показывает ориентацию их авторов на мирный, реформационный, лежащий в рамках правового поля путь развития страны»³. Вместе с тем вопрос о содержательной трактовке польского вопроса в контексте развития правовой и политической либеральной теории начала XX в. на страницах проектов Основного государственного закона России еще не становился предметом специального изучения.

В современной российской историографии принято рассматривать пять либеральных проектов Основного закона России: «освобожденческий»; проект С. А. Муромцева; проект, разработанный Московской городской думой; «гучковский»; «екатеринославский». Особняком стоит в этом ряду «проект Геллерта», так как речь в нем идет о государственном устройстве Австро-Венгрии, а не России. Но текст источника и воспоминания тех, кто принимал участие в обсуждении, позволяют рассматривать его как первый конституционный документ русского либерализма начала XX в. В данном исследовании для анализа эволюции интерпретаций польского вопроса в политико-правовой мысли нового российского либерализма были взяты только те проекты, которые так или иначе его затрагивают: «проект Геллерта» и «освобожденческий». Оба документа имеют неотъемлемую связь с процессом выработки политического курса либеральной протопартийной организации «Союз освобождения», ставшей во многом основой конституционно-демократической партии. Именно поэтому предполагается обращение к программным документам «Союза», истории их выработки, а также политической практике взаимодействия новых либералов с представителями польской общественности. Осветить всеобъемлюще поставленную проблему позволяют сохранившиеся в фонде журнала «Освобождение» (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 279) проекты Основных законов с пометками и комментариями разработчиков. Дискуссии по польскому вопросу, возникавшие на съездах различного уровня (протопартийных и межпартийных), отражены в немногочисленных сохранившихся протоколах (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-9510; РГАСПИ, ф. 279), дневниковых записях (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ), ф. 334) и обширной опубликованной мемуарной литературе.

Начальный этап разработки решения польского вопроса в рамках либеральных проектов Основного государственного закона относится к учредительному съезду «Союза освобождения», который проходил в Санкт-Петербурге с 3 по 5 января 1904 г.⁴ Наиболее подробное описание обсуждавшихся на съезде вопросов сохранилось в воспоминаниях Д. И. Шаховского «Союз освобождения»,

впервые опубликованных в 1909 г.⁵ В работе съезда приняли участие 50 человек из 22 городов, представлявших столичные и региональные «освобожденческие» группы. К моменту образования в октябре 1905 г. конституционно-демократической партии было создано 25 таких местных комитетов, в том числе и в Варшаве⁶. Присутствовавшие на съезде «несколько провинциалов из таких мест, где группы еще не образовались, были приглашены непосредственно организаторами съезда»⁷. Главная задача встречи сводилась к конституированию новой организации, определению ее названия, утверждению устава и основных содержательных целей. Вместе с тем, по свидетельству Д. И. Шаховского, «довольно много внимания было посвящено формулировке отношения к национальному и областному вопросам»⁸. Объяснить это можно тем, что накануне, 2 января 1904 г., в Москве прошла встреча И. В. Гессена, П. Д. Долгорукова, В. Э. Дэна — членов специального «освобожденческого» комитета по финляндскому вопросу с участниками финской оппозиции Адольфом Тернгреном и Юлио Рейтером⁹. Столь близкие контакты новых либералов с финнами объясняются значительной помощью последних в транспортировке в Россию нелегального журнала «Освобождение» через территорию Великого княжества Финляндского. Кроме того, на начальном этапе формирования либеральных протопартийных организаций именно Финляндия рассматривалась новыми либералами в качестве образца для административно-территориального устройства обособленных в этническом и историко-культурном отношении национальных окраин будущей конституционной России. В ходе данной встречи А. Тернгрэн уверил всех участников, что минимальное требование представителей оппозиционных сил Финляндии сводится к восстановлению положения Княжества, которое существовало до начала царствования Николая II¹⁰.

Значительно меньше определенности было в отношении польского вопроса. Еще на предварительном съезде группы «освобожденцев» в Швейцарии 20–22 июля 1903 г. было принято решение только ознакомиться с положением в Царстве Польском, определиться, стоит ли «входить для реконструирования в лучшие сношения» и не обещать полякам политической автономии¹¹. На учредительном съезде «Союза освобождения» в январе 1904 г. именно обсуждение вопроса об отношении к Польше, согласно воспоминаниям Д. И. Шаховского, «вело к выработке достаточно ясной и вместе с тем гибкой формулы... признание за народностями “права на самоопределение”, нашли наиболее отвечающим цели»¹². После учредительного съезда данная формулировка будет использоваться новыми либералами во многих программных и тактических документах. Она «покрывала», по мнению участников съезда, в том числе и польский вопрос.

Обсуждение национального и областного вопросов на учредительном съезде «Союза освобождения» связано также с дополнительными докладами, которые были представлены после завершения обсуждения организационных вопросов. Данные выступления были подготовлены представителями московской группы «освобожденцев», к которой относился известный правовед Федор Федорович Кокошкин. Он озвучил ключевые положения доклада «Об основаниях желательного государственного строя», который в целях конспирации, на

случай появления полицейских и конфискации рукописи, был озаглавлен: «Об австрийской избирательной реформе, из сочинений Геллерта»¹³. Авторство Ф. Ф. Кокошкина подтверждают воспоминания П. Н. Милюкова, ознакомившегося с текстом документа в апреле 1905 г. после возвращения из-за границы в Россию¹⁴.

Структурно проект состоит из семи глав, каждая из которых освещает общие представления по решению ключевых, с точки зрения автора, вопросов при переходе от монархического строя к конституционному. К таковым относятся созыв учредительного собрания и разработка основных законов, которые должны лечь в основу нового государственного устройства, всеобщее избирательное право, двухпалатная представительная система законодательной власти (состав палат определялся отдельной главой), создание в системе исполнительной власти ответственного кабинета министров, а также системы охраны конституции. Не было предусмотрено отдельного описания областного вопроса, но была выделена глава «Окраины», посвященная системе взаимодействия местных властей с центральной администрацией для двух территорий: Галиции (Польши) и Чехии (Финляндии). Структура и содержание документа, а также его влияние на последующие варианты Основного государственного закона позволяют рассматривать «Проект Геллерта» в качестве первого программного документа в рамках нового российского либерализма, который содержит в себе вариант решения польского вопроса. Предлагалось признать право Галиции (Польши) на широкую местную автономию, под которой понималась возможность формирования собственного местного органа власти с правом представительства в верхней палате общегосударственного парламента. По мнению разработчика проекта, «тогда будут представители не отдельных городов и губерний, а всего местного Галицийского собрания, число же городских представителей в Верхней палате тогда сократится на 5 человек»¹⁵. В дальнейшем точка зрения Ф. Ф. Кокошкина относительно принципа формирования российского парламента и участия в этом процессе окраинных территорий претерпит изменения, но базовое положение о необходимости предоставления Польше национально-культурной автономии не изменится и войдет отдельным пунктом в политическую программу конституционно-демократической партии. Роль данного специалиста в правовом решении статуса Польши достаточно сложно переоценить, что находит отражение не только в сохранившихся проектах Основного государственного закона, но и в историографии: «Кадетский оркестр был довольно многочисленный, мелодия не всегда была стройной, но все же первую скрипку на съездах партии при обсуждении вопросов национального и государственного строительства неизменно играл Ф. Ф. Кокошкин»¹⁶.

Русско-японская война, начавшаяся 27 января 1904 г., несмотря на то что была ожидаема российской либеральной общественностью, внесла коррективы в ближайшие планы «освободителей» по образованию региональных отделений и дальнейшей разработке проекта Основного государственного закона России. Источники свидетельствуют об активизации новых либералов в этом направлении во второй половине 1904 г., в том числе после убийства

15 июля министра внутренних дел В. К. Плеве и назначения на этот пост 26 августа более либерально настроенного князя П. Д. Святополк-Мирского. Существенную роль в проработке новыми либералами польского вопроса сыграли личные встречи членов «Союза освобождения» с представителями польского общественного движения. В их череду одной из наиболее крупных стала Конференция оппозиционных и революционных организаций Российского государства, проходившая в Париже 30 сентября — 9 октября 1904 г. (Парижская конференция). Стремление объединить силы в борьбе с самодержавным строем в России стало одной из причин совместного обсуждения насущных проблем представителями различных политических течений.

На конференцию, устроителями которой являлись участники революционного движения Финляндии, были приглашены члены восемнадцати оппозиционных организаций; из них только восемь прислали своих представителей: «Союз освобождения», Партия социалистов-революционеров, Финляндская партия активного сопротивления, Польская социалистическая партия, Польская национальная лига, Армянская революционная федерация, Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Латышская социал-демократическая рабочая партия¹⁷. Согласно протоколу и стенограмме конференции, сохранившимся в архиве редакции журнала «Освобождение», в обсуждении заявленных для конференции вопросов участвовали семнадцать делегатов, четверо из которых являлись членами «Союза освобождения». Под собственной фамилией в документах зафиксирован только П. Б. Струве, находившийся в этот период в эмиграции, остальные «освобожденцы» участвовали в работе под псевдонимами: В. Я. Богучарский (Глебов), П. Н. Милюков (Александров), Петр Д. Долгоруков (Анисимов)¹⁸.

Преобладание среди участников конференции членов революционного движения национальных окраин Российской империи поставило на повестку дня и национальный вопрос. Наибольшую активность в данном направлении проявляли представители Царства Польского. Уже во втором заседании 30 сентября, пытаясь найти общие формулировки по политическим вопросам, Роман Дмовский (в документах конференции: Ленарский) от Польской национальной лиги предложил не требовать слишком много от первой встречи: «Не нужно, чтобы результаты конференции компрометировали ни один из трех составных элементов конференции: 1) национальный элемент (в том, что национальности слишком много уступили русским); 2) революционный элемент (в союзе с буржуа); 3) русских либералов в союзе с террористами и врагами России»¹⁹. По его мнению, в качестве резолюции дня следовало использовать мысль, что «самодержавие выродилось и для самосохранения и отвлечения от внутренних задач развивает свою внешнюю и окраинную политику»²⁰. Председатель конференции К. Циллиакус (Финляндская партия активного сопротивления) высказался за осторожность в определении сущности национального вопроса, заменив его общим требованием конституционного режима, установление которого приведет к нормализации положения всех национальностей империи.

Обозначившиеся в первый день противоречия в интересах финляндцев и поляков найдут отражение и в дальнейшем. Причиной этому служили четко

выработанная позиция российских либералов относительно решения финляндского вопроса и явная неопределенность в польском. Сложные противоречия, накапливавшиеся в России между польской и российской общественностью в интерпретации польского вопроса на протяжении сорока лет после январского восстания 1863 г., нашли отражение в скептическом отношении представителей Царства Польского к готовности российских либералов идти на уступки в определении статуса региона даже после смены в России самодержавного режима конституционным. Р. Дмовский в дискуссии с П. Н. Милюковым интересовался: «Как общественное мнение русских либералов смотрит на участие поляков в общих действиях, не поведет ли оно к отпадению конституционалистов-патриотов?» Последний вынужден был подтвердить, что четкой формулировки по национальному, в том числе и польскому, вопросу у «освобожденцев» нет, но и ярые националисты в их рядах также отсутствуют²¹. Придерживаясь схожей точки зрения, П. Д. Долгоруков интерпретировал национальный вопрос в плоскости административно-территориального обустройства будущей России. Для него принцип децентрализации, введение областной автономии и даже федеративного устройства были возможными вариантами сохранения целостности полиэтничного государства²². В своих воспоминаниях П. Н. Милюков отмечал: «На съезде Струве и другие наши делегаты шли дальше меня в этом вопросе. Мое упорное сопротивление затянуло прения на целых полтора заседания и привело к тому, что никакой формулы, приемлемой для обеих сторон, выработано не было»²³. В действительности, общая формулировка, удовлетворившая все присутствовавшие партии и организации, была найдена — право национальностей на самоопределение. Согласно стенограмме, еще в самом начале конференции эту формулировку предложил П. Б. Струве, который уже встречал ее в либеральном проекте Основного закона Ф. Ф. Кокошкина («проекте Геллерта»), но в тот момент она была отвергнута польскими социалистами²⁴.

В этот период в Московском и Петербургском отделениях «Союза освобождения» шел процесс подготовки проектов конституции и избирательного закона, в разработке которых принимали участие известные правоведы Н. Ф. Анненский, И. В. Гессен, В. М. Гессен, П. И. Новгородцев, Ф. Ф. Кокошкин, С. А. Котляревский и др. В нем нашли отражение как структура, так и концептуальные основы, заложенные в «проекте Геллерта». Текст проекта Основного государственного закона России, датированный октябрём 1904 г. (20 октября в Санкт-Петербурге проходил II съезд «Союза освобождения», на котором был представлен данный проект²⁵), сохранился в архиве редакции журнала «Освобождение» с комментариями П. Б. Струве в наброске «Основные положения»²⁶. Текст проекта показывает дальнейшее развитие понимания польского вопроса в среде «освобожденцев» и лично главного редактора издания. В марте 1905 г. документ был издан в Париже в формате отдельной брошюры, а также в журнале «Освобождение»²⁷. В России его перепечатала газета «Право»²⁸.

В наброске «Основные положения» выделен раздел «Области», в котором содержится описание устройства Польши; остальные окраинные вопросы специально не рассматриваются. По мнению П. Б. Струве, следовало в областях,

где «большинство или значительное меньшинство населения принадлежит к нерусской национальности», допустить использование на равных условиях русский язык и язык этой национальности в системе местного управления, а также в школах. Особое внимание уделялось необходимости вернуть в официальное делопроизводство официальное наименование Царства Польского, а управление десятью польскими губерниями передать Варшавскому генерал-губернатору²⁹. Возвращение прежнего наименования данной территории имело не только историческое значение, но и должно было подчеркнуть обособленность региона в административно-правовой системе российского государства. Кроме того, предполагалось, что «преподавание во всех учебных заведениях должно быть на польском языке. Местные законы издаются на польском и русском языках. Переписка между органами управления Царства Польского и центральными властями в Петербурге ведется на русском языке. В остальном польский язык должен быть употребляем в суде и администрации, с тем условием, чтобы русский язык применялся там, где это будет необходимо. Должности Царства Польского замещаются уроженцами Польши. В мирное время уроженцы Царства Польского отбывают воинскую повинность в частях, расположенных в Царстве Польском. Народное представительство в Царстве Польском, организованное по образцу русского, именуется Польским сеймом. В остальном по отношению к Польше применяются постановления русской конституции»³⁰. Главный редактор «Освобождения» особо отмечал возможную реакцию русской и польской общественности на предложенный проект решения польского вопроса: «Русские националисты, вероятно, увидят во вышеизложенных положениях слишком много уступок полякам, а в Польше, вероятно, не будут вполне удовлетворены настоящим положением автономии. Стремление это не требует отделения от России. Мы думаем, что здесь нужна золотая середина. В то время, когда создается конституция в России, едва ли возможно полное политическое переустройство Польши и создание отдельной конституции для этой страны. В нашем проекте мы постарались настолько соблюсти интересы Польши, насколько они согласуются с интересами русского государственного устройства. Мы надеемся, что польские патриоты не загубят поступательного хода реформы какими-нибудь сепаратистскими стремлениями во имя получения дальнейших уступок. А также мы рассчитываем, что националистическая фракция в России отрешится от пагубного стремления господствовать над нерусскими национальностями и присоединится к освободительному движению. Последнее только тогда может быть успешным, если оно будет иметь в виду благо всех народов, проживающих под скипетром русского монарха»³¹.

Перечисленные выше положения нашли отражение в опубликованной брошюре «Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов “Союза освобождения”». В «Предисловии от редактора “Освобождения”», придерживаясь общих принципов по всем излагаемым в проекте вопросам, П. Б. Струве не соглашался с ними только в одном — в «польском вопросе, не затронутом, а обойденном или скомканном авторами»³². Действительно, в самом проекте речь идет только о децентрализации и широком местном самоуправлении для всех губерний

Российской империи. Царство Польское даже не выделено в качестве особой территории в отделе о местных учреждениях, в отличие от Великого княжества Финляндского, которому посвящена отдельная глава, на что П. Б. Струве обратил особое внимание. По его мнению, русско-польский спор уже решен историей, а именно «государственные притязания поляков на территории, находящиеся вне “Конгрессовки”, т. е. 10 губерний Царства Польского, отмечены историей и не могут быть больше воскрешены»³³.

П. Б. Струве признает, что в период с 1863 по 1905 г. живая народная личность поляков не только не признавалась, но прямо и грубо попиралась. Из чего делается вывод, что из автономии культурной у поляков должна вырасти автономия административная, из автономии административной — автономия политическая. В интерпретации польского вопроса он опирается на опыт и мнение Б. Н. Чичерина, считая, что «надобно вновь вступить на путь, указанный Александром I, надобно возвратить полякам отечество. В этом состоит истинное решение польского вопроса»³⁴. Другими словами, русско-польские отношения должны быть вновь поставлены на почву принципиального признания конституции 1815 г. В этом же контексте Струве делает отсылку к статье Ю. Ф. Самарина «Современный объем польского вопроса» 1863 г., в которой тот признавал поляков отдельной самостоятельной ветвью славянского племени: «В польском вопросе необходимо отрешиться от косности мысли и мужественно посмотреть в глаза истинному положению вещей и необходимым из него выводам. Культурное самоопределение Польши есть минимум, о котором не может быть спора»³⁵.

Одним из следствий Парижской конференции и активного обсуждения польского вопроса в кругах «освобожденцев» стала первая попытка заключить российско-польское соглашение. В записной книжке Д. И. Шаховского есть указания на приезд поляков в Москву в ноябре 1904 г.³⁶ Эти сведения находят подтверждение в воспоминаниях известного польского адвоката, общественного и политического деятеля А. Р. Ледницкого, согласно которым 12 ноября 1904 г. (сразу после окончания работы ноябрьского съезда земских и городских деятелей) состоялась встреча польских и российских активистов, представляющих буржуазные сферы³⁷. Из-за самого момента встречи, когда позиции обеих сторон еще не были окончательно определены, а также из-за узкого представительства польской делегации, тон которой был задан главным образом посредниками, совещание не приняло никаких существенных резолюций. Однако было принято решение, что в будущем необходимо созвать более широкий польско-российский съезд, что и было реализовано 8–9 апреля 1905 г.³⁸

Обсуждение новыми либералами польского вопроса продолжилось на состоявшемся в Москве 25–28 марта 1905 г. съезде «Союза освобождения». К началу работы съезда из Америки вернулся П. Н. Милюков, который вошел в состав группы, занимавшейся переработкой текста «Проекта Основного закона» в текст программы «Союза освобождения». Кроме него в состав данной группы входили М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев, «но рабочую силу составляли молодые профессора-юристы нового поколения — Ф. Ф. Кокошкин, П. И. Новгородцев и др.»³⁹.

Программа «Союза освобождения», по свидетельству Д. И. Шаховского, была тщательно рассмотрена и принята довольно единодушно⁴⁰. Текст структурно и содержательно близок к проекту Основного закона Российской империи 1904 г. Вместе с тем вопрос о децентрализации управления был уточнен, и широкое областное самоуправление предполагалось в первую очередь для территорий, «резко обособленных по своим бытовым и историческим условиям»⁴¹. Под такими разработчики понимали Польшу, Литву, Малороссию и Закавказье. Программа «Союза освобождения» была опубликована в журнале «Освобождение» (1905, № 69–70). В этом же номере П. Б. Струве в статье «К программе Союза освобождения» подверг критике решение III съезда организации, в том числе и по польскому вопросу: «В пункте об областном самоуправлении мы считаем неправильной постановку на одну доску Польши, Литвы, Малороссии и Закавказья»⁴². Обосновывалось это недостаточным уровнем обособленности вышеназванных регионов. При этом следует иметь в виду, что автономию Польши П. Б. Струве понимал не как признание за ней права на политическую независимость, а как автономию в границах единого российского государства. Кроме того, он поставил вопрос о необходимости индивидуального подхода к положению каждой отдельно взятой национальной окраины. Объяснялось это разным уровнем политической зрелости населения конкретных регионов империи. Соответственно, и предоставляемые права в области самоуправления должны быть разными⁴³.

Анализ основных положений проектов конституции, разработанных представителями нового российского либерализма, а также исторического контекста эволюции данного направления политико-правовой мысли позволяет определить ключевые вехи в интерпретации их варианта решения польского вопроса. С целью расширения круга сторонников конституционного варианта реформирования государства участники «Союза освобождения» за два года переходят от отстраненного и в некотором смысле осторожного отношения к возможности введения автономного устройства в Царстве Польском к активному взаимодействию с оппозиционным движением на окраине, под давлением которого происходит конкретизация содержания польского вопроса и разработка нескольких альтернатив его решения. К главным итогам этого процесса следует отнести признание представителями российского либерального движения необходимости вынесения вопроса о польской автономии отдельным пунктом политической программы, чего до 1905 г. не было сделано, а также подробной разработки границ польской автономии в составе российского государства в ходе непосредственных переговоров с поляками.

¹ *Аржакова Л. М.*: 1) Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015; 2) «Польша, как это ни странно, — неведомая страна, terra incognita, для русского человека...» // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8, № 1. С. 130–141; *Гусман Л. Ю.* Очерки истории и идеологии русского конституционализма «Эпохи великих реформ». СПб., 2017; *Котов А. Э.*: 1) Польский вопрос на страницах «Вестника Юго-Западной и Западной России» (1862–1864 годы) // *Научный диалог*. 2019. № 8. С. 258–272; 2) Между имперским и национальным // *Новое прошлое / The New Past*. 2019. № 2. С. 194–201;

Дуферчик Е. Г. Польский вопрос: понятие, структура и содержание в Российской Империи // *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*. 2015. № 1. С. 5–21; *Малютин Г. А.* Польский вопрос в русской общественно-политической мысли в 1830-е — начале 1860-х гг. М., 2015; *Нарезный А. И.* Н. И. Тургенев о польском вопросе // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2019. № 1 (201). С. 70–76; *Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве / под общ. ред. А. Ю. Дворниченко*. СПб., 2022; *Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / под общ. ред. А. Т. Урушадзе*. Ростов-на-Дону, 2020; *Тесля А. А.* «Польский вопрос» в передовицах М. Н. Каткова в «Московских ведомостях» в 1863 г. // *Ученые заметки ТОГУ*. 2011. Т. 2, № 2. С. 86–97; *Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / отв. ред. Д. Г. Янченко, М. В. Ходяков*. СПб., 2020; *Янченко Д. Г.* Дискуссии о национальных окраинах в позднеимперской России // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2021. Т. 66, вып. 4. С. 1379–1391. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.419>.

² *Медушевский А. Н.*: 1) Либерализм как проблема современной западной историографии // *Вопросы истории*. 1992. № 8. С. 167–178; 2) Конституционная монархия в России // *Вопросы истории*. 1994. № 8. С. 30–46; 3) Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Там же. 1996. № 9. С. 3–23; 4) Конституционный проект С. А. Муромцева // *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. статей / отв. ред. Л. Л. Муравьева*. М., 1996. С. 173–196; 5) Ф. Ф. Кокошин и русский конституционализм // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2006. № 2. С. 179–184; 6) Диалог со временем. Русские конституционалисты конца XIX — начала XX века. М., 2010; 7) Политические теории российского конституционализма XX века // *Российская история*. 2010. № 1. С. 45–64.

³ *Аронов Д. В.* Имперский концепт в либеральных проектах Основного закона России начала XX в. // *Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: шестые «Муромцевские чтения»: сб. материалов Всерос. науч. конф., Орел, 24–26 сентября 2014 г.* Орел, 2014. С. 122–130.

⁴ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (далее — РО ИРЛИ). Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 5.

⁵ *Шаховской Д. И.* Союз освобождения // *Зарницы: литературно-политический сб.* 1909. № 2, ч. 2. С. 81–171.

⁶ *Дмитриева Н. В.* Национально-государственное устройство России в отечественном новом либерализме конца XIX — начала XX в.: выработка политического курса: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2020. С. 196.

⁷ «Союз освобождения». Воспоминания Д. И. Шаховского // *Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. / отв. ред. В. В. Шелохаев; сост. Д. Б. Павлов; авт. примеч. О. Н. Лежнева, Д. Б. Павлов*. М., 2001. С. 607.

⁸ Там же. С. 551.

⁹ *Copeland W. R.* Relations Between the Finnish Resistance Movement and the Russian Liberals, 1899–1904 // *Essays on Russian Liberalism / ed., with an introd. by Ch. E. Timberlake*. Columbia, 1972. P. 112.

¹⁰ Там же.

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 279. Оп. 2. Д. 141. Л. 89 об.

¹² «Союз освобождения». Воспоминания Д. И. Шаховского. С. 552.

¹³ Там же. С. 553.

¹⁴ *Миллюков П. Н.* Роковые годы (Из воспоминаний) // *Русские записки*. 1939. № 13. С. 117.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 224. Л. 112.

¹⁶ Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: в 3 т. Т. 2: Либеральные партии / К. А. Соловьев. М., 2022. С. 258.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 19 об.

¹⁸ Там же. Л. 45; *Русский политический сыск за границей*. Париж, 1914. Ч. 1. С. 185.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 47 об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

- ²² РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 49.
- ²³ Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 253.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 55.
- ²⁵ «Союз освобождения». Воспоминания Д. И. Шаховского. С. 572.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 224. Л. 78–108.
- ²⁷ Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения». Париж, 1905; Освобождение. 1905. № 67. С. 278–282.
- ²⁸ Право. 1905. № 21. Стб. 1735–1746.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 224. Л. 102.
- ³⁰ Там же. Л. 102–103.
- ³¹ Там же. Л. 104–105.
- ³² Основной государственный закон Российской империи... С. XI.
- ³³ Там же. С. XII.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. XI.
- ³⁶ РО ИРЛИ. Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 7.
- ³⁷ *Lednicki A. Z Lat Wolny. Artykuly, Listy, Przemowienia (1915–1918). Warszawa, 1921. S. 116.*
- ³⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9510. Оп. 1. Д. 312. Л. 15–37.
- ³⁹ Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 186.
- ⁴⁰ «Союз освобождения». Воспоминания Д. И. Шаховского. С. 585.
- ⁴¹ Программа «Союза освобождения» // Освобождение. 1905. № 69–70. С. 305.
- ⁴² П. С. К программе «Союза освобождения» // Там же. С. 307–308.
- ⁴³ Там же. С. 308.

Статья поступила в редакцию 6 октября 2022 г.
Рекомендована к печати 29 декабря 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дмитриева Н. В. «Русско-польский спор порешен историей»: польский вопрос в либеральных проектах Основного закона России начала XX в. // *Новейшая история России.* 2023. Т. 13, № 2. С. 350–362. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.206>

Аннотация: В статье рассматривается эволюция содержательного наполнения польского вопроса в отечественной правовой либеральной мысли начала XX в. Специфика данного периода заключается в попытках переноса сугубо теоретических наработок в практическую плоскость при оформлении протопартийных организаций и разработке проектов Основного государственного закона России, составной частью которых становятся принципы будущего национально-государственного устройства. Сосредоточив внимание преимущественно на политической составляющей данных документов, исследователи практически не уделяют внимания национальной компоненте. Вместе с тем архивные материалы, используемые автором настоящей статьи, позволяют, с одной стороны, увидеть противоречия, существовавшие внутри либерального лагеря по данному вопросу, а с другой — проследить сложный процесс поиска компромисса представителями российского либерализма с польской политически активной общественностью в условиях нарастающих оппозиционных по отношению к российскому самодержавию настроений. Стремясь сохранить Российскую империю единой и неделимой, представители нового либерализма постепенно начинают воспринимать польский вопрос как одно из направлений для поиска союзников в борьбе за установление конституционного правопорядка в стране. Анализ основных положений проектов конституции, разработанных представителями нового российского либерализма, а также исторического контекста эволюции данного направления политико-правовой мысли позволяет определить ключевые вехи в интерпретации их варианта решения польского вопроса.

К главным итогам проработки русскими либералами польского вопроса в рамках проектов Основного закона России следует отнести признание представителями российского либерального движения необходимости вынесения проблемы польской автономии отдельным пунктом политической программы, а также подробной разработки ее границ.

Ключевые слова: польский вопрос, Польша, общественная мысль, либеральное движение, автономия, проекты, Первая русская революция, Основной закон, Российская империя.

Сведения об авторе: Дмитриева Н. В. — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Санкт-Петербургский государственный университет; науч. сотр., Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия); e-kafedra@yandex.ru.

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1А

FOT CITATION

Dmitrieva N. V. ‘“Russian-Polish Dispute Resolved by History”: The Polish Question in the Liberal Projects of the Basic Law of Russia at the Beginning of the 20th Century’, *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 2, 2023, pp. 350–362. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.206> (In Russian)

Abstract: The paper considers the process of the evolution of the “Polish question” in the Russian legal liberal thought of the early 20th century. The specificity of this period lies in the attempts to transfer purely theoretical projects to the practical sphere during the formation of proto-party organizations and the development of drafts of the Fundamental State Law of Russia. The national component of these documents has largely remained beyond the scope of scholars’ interests, which explains the focus of the paper. The research relies on archival records and, on the one hand, aims to evaluate the contradictions with regard to this issue within the liberal camp, and on the other hand, to trace the complex process of reaching a compromise between representatives of Russian liberalism and the politically active Polish public in the context of growing opposition to Russian autocracy. In an effort to keep the Russian Empire united and indivisible, representatives of the new liberalism were gradually beginning to perceive the “Polish question” as one of the directions for finding allies in the struggle to establish a constitutional law and order in the country. The main outcome of the examination by Russian liberals of the “Polish question” within the framework of the drafts of the Fundamental Law of Russia was their acknowledgment of the need to make the problem of Polish autonomy a separate item in the political program as well as to develop its borders in details.

Keywords: Polish question, Poland, social thought, liberal movement, autonomy, projects, First Russian Revolution, basic law, Russian empire.

This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 19-18-00073-P “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th – 20th Centuries”, <https://rscf.ru/project/22-18-35022>.

Author: Dmitrieva N. V. — PhD in History, Senior Researcher, St. Petersburg State University; Researcher, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia); e-kafedra@yandex.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

European University at St. Petersburg, 6/1A, Gagarinskaya ul., St. Petersburg, 191187, Russia

References:

- Aronov D. V. ‘The Imperial Concept in the Liberal Projects of the Basic Law of Russia at the Beginning of the 20th Century’ in *Imperial and monarchical component of the liberal ideology* (Oryol, 2014). (In Russian)
- Arzhakova L. M. ‘Poland, Oddly Enough, is an Unknown Country, Terra Incognita, for a Russian Person’, *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 1, 2018. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.109> (In Russian)
- Arzhakova L. M. *The Polish Question and Its Refraction in Russian Historical Polish Studies of the 19th Century* [Doctor of History Dissertation] (Moscow, 2015). (In Russian)

- Center and regions: the economic policy of the government on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)*, ed. M. V. Khodjakov (St Petersburg, 2020). (In Russian)
- Copeland W. R. 'Relations Between the Finnish Resistance Movement and the Russian Liberals, 1899–1904' in *Essays on Russian Liberalism*, ed. by Ch. E. Timberlake (Columbia, 1972).
- Dmitrieva N. V. *The national-state structure of Russia in the domestic new liberalism of the late 19th–early 20th Centuries: the development of a political course* [Candidate of History Dissertation] (Krasnodar, 2020). (In Russian)
- Gusman L. Yu. *Essays on the history and ideology of Russian constitutionalism "The Age of Great Reforms"* (St Petersburg, 2017). (In Russian)
- Kotov A. E. 'Between imperial and national', *The New past*. no. 2, 2019. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2019-2-194-201> (In Russian)
- Kotov A. E. 'The Polish Problem in "Bulletin of South-Western and Western Russia" Journal (1862–1864)', *Nauchnyi dialog*, no. 8, 2019. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-258-272> (In Russian)
- Lednicki A. *Z Lat Wolny. Artykuly, Listy, Przemowienia (1915–1918)* (Warsaw, 1921).
- Liberal movement in Russia. 1902–1905*, ed. V. V. Shelokhaev (Moscow, 2001). (In Russian)
- Luferchik E. G. 'The Polish question: concept, structure and content in the Russian Empire', *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*, no. 1, 2015. (In Russian)
- Malyutin G. A. *The Polish question in Russian social and political thought in the 1830s — early 1860s* (Moscow, 2015). (In Russian)
- Medushevsky A. N. 'Constitutional Monarchy in Russia', *Voprosy Istorii*, no. 8, 1994. (In Russian)
- Medushevsky A. N. 'Constitutional projects of Russian liberalism and its political strategy', *Voprosy Istorii*, no. 9, 1996. (In Russian)
- Medushevsky A. N. *Dialogue with time. Russian constitutionalists of the late 19th — early 20th Century*. (Moscow, 2010). (In Russian)
- Medushevsky A. N. 'F. F. Kokoshin and Russian constitutionalism', *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 2, 2006. (In Russian)
- Medushevsky A. N. 'Liberalism as a problem of modern Western historiography', *Voprosy Istorii*, no. 8, 1992. (In Russian)
- Medushevsky A. N. 'Political theories of Russian constitutionalism of the XX Century', *Rossiiskaia Istorii*, no. 1, 2010. (In Russian)
- Medushevsky A. N. 'The constitutional project of S. A. Muromtsev' in *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii Rossii (do 1917 g.)* (Moscow, 1996). (In Russian)
- Milyukov P. N. 'Fatal years (From memories)', *Russkie zapiski*, no. 13, 1939. (In Russian)
- Milyukov P. N. *Memoirs, vol. 1* (Moscow, 1990). (In Russian)
- Milyukov P. N. *Memoirs* (Moscow, 1991). (In Russian)
- Narezhnyi A. I. 'N. I. Turgenev about the Polish question', *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 1 (201), 2019. <https://doi.org/10.23683/0321-3056-2019-1-70-76> (In Russian)
- National Outskirts in the Politics of the Russian Empire and Russian Social Thought*, ed. A. T. Urushadze (Rostov-on-Don, 2020). (In Russian)
- Shakhovskoy D. I. 'Liberation Union. Memoirs of D. I. Shakhovskoy' in *Liberal'noe dvizhenie v Rossii. 1902–1905 gg.*, ed. V. V. Shelokhaev (Moscow, 2001). (In Russian)
- Shakhovskoy D. I. 'Union of Liberation', *Zarnitsy: Literaturno-politicheskii sbornik*, no. 2, pt 2, 1909 (In Russian)
- Solovyov K. A. *Political parties of Russia. Late 19th — early 20th Century, vol. 2: Liberal parties* (Moscow, 2022). (In Russian)
- Teslya A. A. "'The Polish Question" in the editorials of M. N. Katkov in "Moskovskie vedomosti" in 1863', *Scientists notes PNU*, vol. 2, no. 2, 2011. (In Russian)
- The legacy of the Commonwealth in the imperial intellectual space*, ed. A. Yu. Dvornichenko (St Petersburg, 2022). (In Russian)
- Yanchenko D. G. 'Discussions on the Issue of National Outskirts in Late Imperial Russia', *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, iss. 4. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.419> (In Russian)

Received: October 6, 2022
Accepted: December, 29 2022